

ИДЕИ И КОНЦЕПТЫ

ШТЕФАН МЕРЛЬ

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ «ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ»? РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОЛИ РОССИИ В КОНЦЕПТЕ «МОДЕРНИЗАЦИЯ»

В современных дискуссиях часто говорится о некоей «трансатлантической модели ценностей» и создается впечатление, будто бы Россия не имеет к этому никакого отношения: путь России в «современность» и сформированный в этом движении концепт модернизации якобы принципиально различались. Автор статьи приводит аргументы против такой точки зрения и показывает, что Россия играла решающую роль в формировании представлений о модернизации в Европе XVIII века. К началу XX в. Россия уже была глубоко вовлечена в обсуждение проблемы модернизации, а идеи «социалистической модернизации» были так же органично связаны с европейскими представлениями, которые отличались от американской парадигмы развития. В статье в первую очередь рассматривается начало XVIII в., когда надежды ранних просветителей на усовершенствование мира и людей, основанные на установлении разумного порядка, получили решающий импульс благодаря политике вестернизации Петра I. Далее в поле размышлений попадает вторая половина XIX в., когда в России начались дискуссии о прогрессе и сформировались собственные представления о модернизации, исходившие из констатации отсталости российского общества. В ключевой части статьи анализируются особенности русских представлений о модернизации, которые в дальнейшем определили характерные черты советской истории. Неприятие автором концепта «множества модернизаций» основывается на том, что существуют основные признаки модернизации, которые мы находим в каждом ее концепте. В рамках концепта «многообразия» российско-советские представления вписываются в европейскую концепцию модернизации.

***Ключевые слова:** модели модернизации, прогресс, Просвещение, история России, идеи и ценности, вестернизация, «социальная инженерия».*

Основные черты концепта модернизации

Каковы основные черты концепта модернизации? Во-первых, главная и основополагающая из них - вера в прогресс, а именно, представление о том, что на основе разумной организации общества можно создать лучший мир. При этом имеет смысл различать между двумя взаимосвязанными уровнями: один можно обозначить как «технологическая модернизация». Динамика изобретений и знаний, влияющих на среду, в которой живут люди, действует с объективной неизбежностью. Второй уровень можно назвать «модернизацией освобождения». Ее основанием была идея свободы человека, связанная, прежде всего, с моральными ценностями. Оба элемента были тесно связаны и в первые годы после Октябрьского переворота 1917 г. Во-вторых, решающим является то, что вера в прогресс актуальна для политического устройства государства – будь то идеальный правитель или система политической легитимности и преемственности, основанная на обещании лучшего будущего. Этот критерий особенно характерен для России и Советского Союза, где по-

литические концепты были нацелены на преобразование социально-экономических структур. Как в России, так и в СССР модернизация в любой период была прямо и непосредственно связана с политическим действием. В-третьих, концепт модернизации включает в себя представление о том, что прогресс достижим и научно планируем, что человек может изменить вещи к лучшему и разрешить обнаруженные проблемы. «Социалистическая модернизация» придерживалась идей раннего Просвещения, в соответствии с которыми современный, рационально мыслящий человек будет существом высшего порядка, «новым человеком». Если утрировать эти представления, то «социалистическая модернизация» предполагала безграничную возможность создавать новое и изменять мир с помощью субъективной воли человека.

Дискурс модернизации в России: состояние исследований

В России и в СССР никогда не велись дискуссии о модернизации в собственном смысле слова. Однако в каждый временной период Россия была первопроходцем при реализации модернистских представлений на практике. Уже к началу XVIII в. Петр I своей политикой вестернизации попытался претворить в жизнь идеи раннего Просвещения, производной которых и стала концепция модернизации. Следующими попытками реализации программы модернизации были «великие реформы» 1860-х гг., формирование концепции «социалистической модернизации» после Октябрьского переворота 1917 г. и, наконец, политика социальных преобразований, осуществлявшаяся с 1989 г.

Вплоть до 1830-х гг. в России отсутствовала основная предпосылка для дискурса модернизации, а именно достаточно большой слой образованных людей. Это объясняет, почему в русском языке вплоть до распада СССР отсутствовало специальное понятие, семантически эквивалентное концепту модернизации. До 1914 г. в большинстве случаев употреблялось слово *современность*. Если же речь шла о полемике с западными представлениями о модернизации, то в русском дискурсе использовался также термин *прогресс*. Тот факт, что аналог немецкого термина «Fortschritt» в русском языке до сих пор представлен иностранным словом «прогресс», демонстрирует как неожиданно в начале XVIII в. и безо всякой связи с внутренними реалиями этот концепт был заимствован русской культурой¹. Изначально понятие *прогресса* полностью соотносилось с Европой, а с рубежа XX в., прежде всего с 1920-х гг., все больше связывалось с США². Сегодня в русской литературе иногда встречается термин «*модерность*» как производное от английского «*modernity*».

За исключением монографии Плаггенборга³, который попытался использовать концепт модернизации для изучения советской истории,

---

¹ Schmidt 1996.

² Kotkin 1995.

³ Plaggenborg 2006.

не существует специальных исследований этого явления. Новейшие работы, затрагивающие в большей или меньшей степени проблему модернизации, сосредоточены в первую очередь на проблемах транснациональной истории XVIII века. В них констатируется, что на Петра I в осуществлении им «политики вестернизации» прямое влияние оказали идеи раннего Просвещения. Одновременно отмечается, что европейская образованная элита внимательно следила за развитием России, вследствие чего внутрироссийские процессы повлияли на дальнейшее формирование концепции модернизации на Западе⁴. Россия при Петре I стала для представителей раннего Просвещения, таких как Лейбниц и Христиан Вольф, и европейской образованной элиты доказательством того, что рациональное реформирование экономики и общества при просвещенном монархе может ускорить прогресса и изменить людей.

В России в отдельные периоды истории выразителями представлений о прогрессе выступали различные группы. С 1698 по 1789 г. это был монарх, затем с 1825 до 1917 г. – образованная элита, оппозиционно настроенная в отношении государства, черпавшая свои концептуальные построения из европейских дискуссий, в которых в конце XIX в. она сама выступала как равноправный участник. На 1920-е гг. приходится краткий период открытости, по крайней мере, социалистических представлений о модернизации, а в период между 1933 и 1986 г. носителем этой программы вновь стал правитель-диктатор, единолично управлявший процессом преобразования. Это означало, что в России и в СССР на протяжении их истории повторялись ситуации, когда в течение долгого времени не велось никаких публичных дискуссий о модернизации.

Лишь в начале 1990-х гг. вновь начались публичные дебаты. Первоначально среди российских ученых доминировало ожидание переноса на русскую почву считавшихся лучшими элементов западной модернизации, таких как парламентская демократия, расширение возможностей личной свободы для отдельного человека и для экономики, которая в большей степени удовлетворит потребительский спрос населения. Историки обратились к прошлому России, пытаясь обнаружить в нем точки соприкосновения с западной модернизацией, которые они предполагали найти первоначально у Ленина в 1920-х гг., но затем, скорее всего в период до 1914 г. Вновь оживились старые споры. Отдельные историки считали, что реформы XIX в. могли направить Россию по пути западной модернизации⁵. Начатая западными историками полемика о том, сколь далеко продвинулось европейское гражданское общество накануне Первой мировой войны, в сложившихся в России обстоятельствах пала на благодатную почву⁶. Отдельные представители интеллигенции, напри-

---

⁴ Matthes 1981; Poe 2000; Griesse 2016; Blohme/Depkat 2002.

⁵ Власть и реформы 1996; Миронов 1999. Т. 2. С. 284-304.

⁶ Гражданская идентичность... 2007; Туманова 2008.

мер, Солженицын, вновь подчеркивали самобытность русских культурных ценностей. В 1990-е гг., однако, большинством участников дискуссии были в первую очередь заимствованы и использованы в дискурсе развития России разработанные на Западе представления и концепты. Вместе с тем западная полемика о модернизации как таковая не практически не привлекла внимания. Например, не вызвал интереса спор о том, можно ли рассматривать существовавший в Советском Союзе режим как модернизацию⁷. Малый отклик нашли также предложения воспринимать русскую историю как историю империи и применять парадигму *постколониального* развития при изучении Российской империи до 1914 г. или СССР. Протагонисты этих подходов (Герасимов, Семенов, Глебов и Могильнер) поддерживаются западными исследователями империй, они издают с 2002 г. журнал *Ab imperio*, представляющий российскому читателю теоретические взгляды западных участников дискуссии о модернизации⁸. То, что русские авторы почти не включены в этот научный дискурс, можно объяснить их принципиальной неприязнью к теоретическим спекуляциям и проблемами существования историков, вынужденных вести борьбу за материальное выживание. Следует также учесть традиционное разделение научной дисциплины и практики преподавания на две специальности - историю России и всемирную историю.

Ожидания 1990-х гг., что после банкротства «социалистической модернизации» заимствование кажущихся главными элементов западной модернизации, таких как парламентская демократия, рыночная экономика, индивидуализм и ориентация на потребление приведут к быстрым переменам, не оправдались. И хотя в последние два десятилетия переноса этих элементов на социальную практику внутреннего развития России практически не происходило, общественное разочарование привело к дискредитации таких ценностей, как демократия и рыночная экономика. И это объясняет неизменную слабость политических и экономических структур в России по сравнению с западными государствами.

Проблема трансляции западных образцов и институций

В России вера в прогресс всегда ориентировалась на Запад. Как минимум, и это утверждал с самого начала Лейбниц, речь шла об использовании «привилегии отсталости»⁹, чтобы при заимствовании западных структур учиться на опыте и ошибках развитых стран¹⁰. «Социалистическая модернизация» в XX в. по сути также была ничем иным, как западной модернизацией, при этом однако одни ее элементы исключались, а другие приобретали больший вес. Все попытки реализовать в России западные представления о модернизации на практике провалились, если

---

⁷ David-Fox 2006.

⁸ *Ab imperio* 2002, 2011.

⁹ Hildermeier 2013. S. 1313-1346.

¹⁰ Griesse 2016.

рассматривать только непосредственно достигнутые результаты. В долгосрочной перспективе, впрочем, возникает более оптимистичная картина: по прошествии 50 или 100 лет обозначились отчетливые изменения в сторону запланированного развития. Примерами этого служат усилия Петра I по реформированию образования и попытка Екатерины II перенести на русскую почву западноевропейское корпоративное устройство, прежде всего в дворянской и городской среде, с целью создать «среднее сословие» и извлечь пользу из его процветания. С середины XIX в. на практике реализуются отдельные результаты этих реформ.

Вызывает удивление то упорство, с которым в России и СССР вплоть до настоящего времени многократно повторялся эксперимент, впервые в истории осуществленный Петром I на рубеже XVIII в.: путем копирования западных структур содействовать динамичному развитию страны, воспринимаемой отсталой, и обеспечить ее продвижение по пути прогресса. С аналогичной целью проводились реформы Екатерины II, реформы 1860-х гг. и, наконец, преобразования 1989/1992 гг. Каждый раз реформаторы все с той же наивностью, как и Петр в своей политике вестернизации, проводили эксперимент на людях, не прибегая к анализу практического опыта предшественников. Такая практика со всей очевидностью доказывает, что для модернизации характерно не только аккумулирование знаний, но одновременно и их вытеснение («утраченное» знание). Реформаторы, не извлекая уроков из провалов предшественников, постоянно повторяют их «ошибки». С 1989 г. процесс преобразований ориентировался главным образом на те же цели и методы, которые, начиная с Петра I, осуществлялись неоднократно и всегда с одинаково скудными результатами и огромными социальными затратами.

Рецепция раннего Просвещения и политика вестернизации Петра I

Первое знакомство России с западной «современностью» было тесно связано с возникающими в раннее Новое время представлениями о том, что хороший правитель должен не только врачевать души своих поданных, но и заботиться о военной мощи своей страны и ее процветании. Экономические теории, такие как меркантилизм и камералистика, а также сформировавшееся в контексте идеологии абсолютизма стремление усовершенствовать государственное управление стали для Петра I стимулом к реформаторскому эксперименту по «вестернизации» России. Петр, воодушевленный верой в прогресс идей ранних просветителей и их ориентацией на рациональное образование народа, хотел перенять казавшиеся разумно преобразованными социальные институты Запада и таким образом сделать свою собственную страну, воспринимаемую им как «отсталую», по меньшей мере, сравнимой с Западом.

Поскольку Россия вплоть до конца XVII в. только условно участвовала в духовном развитии Европы, вызывает удивление столь раннее заимствование идей Просвещения. В результате контактов между «европейцами» и «москвитами» в XVII в. столкнулись две культуры,

настолько разные, что это даже трудно представить. Немногие путешественники по России (в большинстве своем этнографы или дипломаты) все без исключения принадлежали к западной образованной элите, выросшей на изучении лишь недавно открытого во всей полноте античного знания, знакомой с теорией Аристотеля о государственном устройстве и политическими идеями Ренессанса и гуманизма. М. По называет их *джентльменами Ренессанса*¹¹. Они приехали в страну, элита которой никогда не сталкивалась с таким знанием. Существовавшую в Московском государстве форму правления они интерпретировали как деспотию и сводили ее к «рабской ментальности» подданных.

То, что в этих условиях могло состояться прямое и всестороннее соприкосновение с разнообразными проявлениями развивающейся европейской модернизации, как об этом сообщали представители раннего Просвещения, следует решительно приписать личности Петра Великого. Реформы, начатые в Московском государстве в XVII в.¹², обрели, таким образом, новое качество. Характерные эпизоды из детства Петра лучше всего изложены у Е. Анисимова¹³. После успешного сражения 1696 г. в ходе военных кампаний против Османской империи (взятие Азова) Петр стал описывать свою роль правителя как «первого слуги государства» и подхватил идею прогресса, чтобы отделить себя от считавшегося непросвещенным Московского государства. В 1702 г. он ввел в законодательство понятие общего блага и искренне уверовал в осуществимость перемен. Переписка с Лейбницем внушила Петру I мысль о важности направляемых верховной властью инициатив в области образования народа. В 1708 г. Лейбниц передал ему памятную записку о «Воспитании юношества», которая среди прочего стала импульсом к учреждению университетов и академий для юношества. Представления Лейбница основывались на восприятии России как *tabula rasa*, то есть на отсутствии зачатков образования в России. Академия наук должна была сделать доступным в России западное знание, прежде всего, с помощью переводов. В Российской Академии работали европейские ученые¹⁴. Западные просветители полагали, что именно Россия предоставит идеальные условия для первичной апробации их убежденности в том, что благодаря образованию можно распространить в народе нормы поведения, исходящие из рациональных оснований. В стране правил «просвещенный» деспот, который вознамерился переустроить свое государство по рациональным принципам и дать своим подданным образование, к тому же он хотел копировать существующие в западной Европе социальные институты. При этом подданные, подобно «благородным дикарям» совершенно неискушенные в образовании, соответствовали представлени-

---

¹¹ Пое 2000.

¹² Schmidt 1996; Haumann 1996. S. 193-217; Hildermeier 2013.

¹³ Анисимов 1989.

¹⁴ Amburger 1961. S. 24-52.

ям ранних просветителей: они сплошь и рядом не были нагружены «ложным знанием», как население на Западе Европы. Очень восприимчивым к истинному образованию предстало, прежде всего, юношество, которое еще не было «испорчено образованием». Лейбниц мирился с репрессиями Петра против предполагаемых противников реформ, чтобы не навредить его эксперименту в области образования¹⁵.

Усилия Петра, за которыми очень внимательно наблюдали на Западе, способствовали в первую очередь тому, что в XVIII в. образованные слои Европы пришли к убеждению, что воля к рациональным преобразованиям, осуществляемым просвещенным монархом, может повлиять на считавшееся до тех пор невозможным ускорение развития. Образованные люди следили за происходящим по ежедневным газетам. Обо всем, что Петр набрасывал в планах и устанавливал декретами, газеты сообщали как о фактах и одновременно внушали мысль о достижимости этих планов¹⁶. Следует учесть, что в раннем Просвещении индивид не играл никакой роли. Задача суверена заключалась в том, чтобы сделать из своих несовершеннолетних подданных цивилизованных граждан и в случае необходимости использовать принуждение к их собственному благу¹⁷. Деятельность Петра стала для европейской образованной элиты не только подтверждением превосходства собственных институтов, но и одновременно выявила предпосылки реализации этого превосходства: нужен был только ориентированный на разум правитель. Исходя из этого, они разрабатывали требования к правителям в собственной стране. Петр, напротив, являл собой, как его видел, например, Вольтер, образец идеального правителя. Екатерина II, которая вела оживленную переписку со знаменитыми просветителями, в частности с Вольтером и Дидро, в своих указах с самого начала заимствовала многие идеи Просвещения: так в «Наказе» от 1763 г. она ориентировалась на Монтескье. Вольтер воспринял это как «прекраснейший монумент столетия». Он и другие просветители сожалели о том, что не родились русскими и потому не могут извлечь пользу из «просвещенного правления»¹⁸.

Глобальные преобразования, происходившие в течение XVIII в. и повлиявшие на мышление просветителей, не привлекли никакого внимания в России, поскольку они не были созвучны интересам монарха, к тому же там еще не сформировалась достаточно многочисленная и влиятельная образованная элита. Изменившаяся в последней трети столетия европейская образованная элита, на которую оказала влияние Американская революция, более не воспринималась в России как образцовая модель. В Европе правитель перестал восприниматься как герой, культурными авторитетами стали переселившиеся в Америку европей-

---

¹⁵ Griesse 2016.

¹⁶ Blohme/Depkat 2002.

¹⁷ Griesse 2016.

¹⁸ Lubenow 2002; ср. также Scharf 1998.

ские индивиды¹⁹. Напротив, в центре русского мышления XIX в. стоял не индивид, а «служение народу». Зарождающаяся образованная элита претендовала при этом на роль «первого слуги» народа, которую в свое время как правители определили для себя Петр I и Екатерина II.

Вера в прогресс в XIX веке и русская образованная элита

Первая фаза ориентации на идеи прогресса продолжалась в России от Петра к Екатерине и далее до Французской революции. Она характеризовалась тем, что реформы проводились монархом, а прогресс воспринимался в неразрывной связи с автократическим правлением. В промежуточной фазе (последняя треть XVIII – середина XIX в.) представление о прогрессе, по выражению Шмидта, в некотором смысле изменило свое содержание. Автократия отказалась от динамичного понятия прогресса и сделала своим приоритетом статичное понятие народности²⁰. Для монарха опыт Французской революции выдвинул на первый план издержки прогресса. В свою очередь, образованная элита переняла идеи прогресса с твердым убеждением в том, что только ниспровержение политической системы автократии может форсировать развитие²¹. В течение 1840-х гг. образованная элита с ее изначально единой критической позицией раскололась на два направления – патриотически-консервативное и прогрессивное вплоть до революционного, ориентированное на Запад. Образованная элита в основном разделяла убеждение в изначально отсталости России. В то же время для большей ее части оказалась неприемлемой идея о том, что России следует ориентироваться только на западную модель развития. Так распространилось убеждение, что из отсталости можно извлечь пользу, избежав ошибок ведущих стран. Поэтому многие представители образованных слоев сплоченно выступили против эволюционных теорий, обещавших, что Россия в будущей стадии своего развития присоединится к продвинутым нациям и на основе предполагаемого превосходства русской культуры даже превзойдет их²².

Дискуссии вокруг прогресса одновременно способствовали появлению «контр-концептов», которые разделили наблюдателей за происходящими в Европе процессами на две противоположные группы – сторонников прогресса и тех, кто считал этот путь развития ошибочным. Славянофилы решительно отмежевались от ориентированной на Запад модернизации, подчеркивая ценность собственно русских традиций, а именно, православия и самодержавия, якобы присущего русской самобытности, а также идеализированных специфических форм коллективной собственности, таких как *община*. В середине XIX в. отдельные представители элиты заняли негативную позицию относительно индустриализации. Они полагали, что можно избежать возникновения без-

¹⁹ Blohme/Depkat 2002.

²⁰ Schmidt 1996. S. 13f.

²¹ Ibid. 1996.

²² Semenov u.a. 2013.

земельного пролетариата и социальных волнений в русских городах. *Народники* видели в крестьянской деревенской общине уже реализованный важный элемент воображаемого ими будущего социалистического общества, так что Россия, по их мнению, может, минуя капитализм с его негативными последствиями пролетаризации и искоренения крестьян, прийти прямым путем к социализму.

Формирующаяся в XIX в. образованная элита шла по стопам правителя, несмотря на свою порой острую критику последнего. Она требовала в первую очередь вестернизации страны, связанной с принципиальными изменениями политической системы, но была убеждена, что в дальнейшем, преобразования должны осуществляться сверху, тем самым дистанцируясь от анархистских взглядов Бакунина, основой которых была самоорганизация общества. Ориентированные на прогресс представители образованной элиты видели свое предназначение в том, чтобы привести «народ», в котором преобладающую часть составляли крестьяне, к правильному будущему²³. Такая позиция, отдававшая предпочтение народным массам, подкреплялась марксистским проектом, который видел в образованной элите «авангард» рабочего класса. Русские марксисты, будучи членами партии, поставили себе задачу «научно обоснованным» путем, начертанным мудрым вождем, привести простой народ к «социалистической модернизации». В 1890-х гг. верх одержали марксисты и социалисты, которые в согласии с западными идеями рассматривали рабочих как революционный класс. Большая часть образованной элиты после этого и вплоть до 1914 г. была глубоко убеждена в отсталости и иррациональности русского крестьянства²⁴.

Марксистская теория стадийного развития общества была особенно приспособлена для такого распределения ролей. Она представляла коммунизм как высшую и конечную стадию общественного развития и утверждала, что прогрессивные западные государства могут достичь этого только после ликвидации социально-экономической системы капитализма в результате классовой борьбы. Часть образованной элиты увидела в этом идеальное решение волнующей ее проблемы отсталости, которое соединяло все: западное происхождение, обещание превзойти достигнутую на Западе стадию развития путем достижения «еще» более прогрессивной конечной стадии истории – коммунизма и, тем самым, конечной стадии существования человечества – рая на земле. Все это было «научно доказано» и представлено в теории научного социализма. Представление о «непогрешимости партии» не очень противоречило коллективному самосознанию этой части образованной элиты. Она подчинилась «объективной истине», которую сформулировал воспринимаемый как справедливый правитель.

---

²³ Hoffmann 2011; Semenov 2013.

²⁴ Hoffmann 2000; Gerasimov 2004.

Разнообразие русско-советских концепций модернизации

Ориентация на Запад

Рассмотрим различные интеллектуальные конструкты, каждый из которых отличал модернизацию в России и СССР от проекта модернизации на Западе. В целом русский дискурс был неизменно ориентирован на идеи ранних социалистов и, в противоположность Западной Европе, время от времени выдвигал в центр своих размышлений крестьянство как революционный субъект. В ряде инициатив Россия выступала первопроходцем (секуляризация), во многих случаях она двигалась в русле европейской тенденции (интервенционистское государство), в остальном, когда речь шла о парламентской демократии, концептах национальной политики и правах человека, она отказывалась от доминирующих тенденций развития. Сформулированные в эпоху Просвещения представления о модернизации, воспринятые в России и в СССР, были преимущественно европоцентричными. В период между 1698 и 1991 г. политическая и идеологическая элита была уверена в том, что рациональная научная организация экономики и общества может полностью преодолеть отсталость страны и привести ее к лучшему будущему. Решающей предпосылкой стала общедоступность образования, основанного на рациональных принципах. Это сочеталось с почти безграничной уверенностью, что радикальные изменения возможны и зависят только от разумной воли человека. «Научности» предписывалось решающее значение в определении правильных форм будущего. В перспективе русско-советский концепт модернизации представлял захватывающим социальным проектом. В России, в отличие от стран Запада, он служил прочным основанием для политических преобразований и реформ.

Гегельянство и ранний социализм

В XIX в. русский дискурс модернизации испытал сильное воздействие как гегельянства, так и эгалитарных идей ранних социалистов. Следуя диалектике Гегеля, в крестьянстве видели потенциальный субъект революционного переворота. Герцен, Бакунин и Чернышевский ожидали, что грядущее социалистическое общество будет основано на коллективной собственности, а его федеральная организация облегчит соединение социализма и свободы. Бакунину идеальное государство представлялось как добровольный союз индивидов, сообществ производителей и общин, основанный на максимально широких правах независимости и самоопределения. Революционно настроенная образованная элита в России всецело ориентировалась на крестьянство, поскольку отождествляла с ним понятие русского народа, а в крестьянской общине с ее принципом перераспределения общей собственности усматривала прямое предвосхищение социалистической коллективной собственности и социального равенства. Западники, реагируя на сопротивление консерваторов их мечтам о прогрессе, соединили свою убежденность в отсталости России с верой в превосходство русских форм коллективной орга-

низации – крестьянской общины и рабочей артели. Негативным последствиям городской жизни, таким как пролетаризация и искоренение крестьянства, они противопоставили теорию крестьянского социализма, который должен привлечь промышленность на село. Герцен, находясь в изгнании в Лондоне, ожидал, что крепостные сами поднимутся против угнетающей их системы²⁵. Присоединяясь к этим представлениям о товариществах как будущей форме общественного устройства, Чернышевский описал, как может функционировать в будущем такое сообщество тружеников, ведомое «новым человеком».

Эмансипация и сельская модернизация

Специфика социального развития России обусловила то, что представления о будущем в ней были намного сильнее, чем в Западной Европе, связаны с крестьянством²⁶. Ко времени Октябрьского переворота Россия все еще оставалась крестьянской страной. В разгар военного коммунизма Чаянов в 1920 г. сочинил утопический роман, в котором описывалось дальнейшее развитие Советской России вплоть до 1984 г. в направлении крестьянской республики. Следуя за Марксом, считавшим, что сами крестьяне не способны к организации, Чаянов видел будущее республики в управлении, находящемся в руках корпорации интеллигентов-профессионалов. Специфические русские представления о модернизации середины XIX в. он описывал как уже реализованные. В созданной Чаяновым картине будущего крестьянская республика преодолела капиталистическую урбанизацию, переместив промышленность на село. Специалисты заботились об ускорении научно-технического прогресса и реализации его достижений. Республика держалась на децентрализованных сообществах производителей, города обезлюдели²⁷. В начале 1920-х гг. предпринимались и другие попытки реализации крестьянского социализма. В частности, был основан «Крестьянский интернационал» и распространились представления о том, что для восточноевропейских аграрных государств открывается специфический «третий путь» в модернизацию - между капитализмом и рабочим социализмом²⁸.

С большой симпатией русская образованная элита XIX в. подхватила идею освобождения от рабства. В то время как цензура пресекала дискуссии о крепостничестве, в Россию удивительным образом был перенесен дискурс выступавших против рабства аболиционистов, связанный с представлениями о значимости прав человека. Абсурдным следствием этой «интернационализации» дискурса стало то, что автобиографии крепостных также заимствовали стереотип дискурса рабства, хотя реальная ситуация в России была совершенно иной²⁹. В дискуссиях о

---

²⁵ Herzen 1858.

²⁶ Bruisch 2014.

²⁷ Чаянов 2003.

²⁸ Чернов 1917; Bruisch 2014. S 162 f.

²⁹ Herzberg 2013.

превращении крепостных в равноправных членов общества среди части образованной элиты завоевало популярность учение С. Смайлса, согласно которому, каждый крестьянин может овладеть знаниями путем саморазвития³⁰. Большинство автобиографических проектов подхватили это учение о потенциальном равенстве всех людей, независимо от их происхождения, с тем чтобы уничтожить существующее сословное общество. Интеллигенция стремилась побудить выходцев из крестьянской среды описать собственную эмансипацию и таким образом представить ее в максимально поучительной форме³¹.

Секуляризация и идея воспитания

В России очень рано получил популярность еще один элемент модернизации, а именно, характерное для западного Просвещения акцентирование светских аспектов социальной жизни. Гриссе³², например, утверждает, что деятельность Петра I в целом пробудила только просветительскую нацеленность на секуляризацию. Уже в 1698 г. Петр решил ся на конфликт с церковью и начал наступление на установленные ею нормы (среди прочего, указы о сбривании бород и ношении западного платья). После смерти патриарха в 1700 г. Петр I провозгласил себя главой православной церкви. За этим стояли финансовые и политические соображения, так как поступления в государственную казну были строго ограничены, в то время как церковь контролировала треть земельных владений и значительную часть населения. Поэтому Петр в 1721 г. подчинил церковное управление новому коллективному органу - Святейшему Синоду. Приписанные к церкви крестьяне стали «экономическими крестьянами» и должны были платить налоги государству. После этого первого наступления на имущество церкви в 1764 г. произошла окончательная секуляризация церковных вотчин.

Центральным содержанием русских представлений о модернизации была идея воспитания, связанная с развитием системы рационального образования. Петр, Екатерина, образованная элита и затем «социалистическая модернизация» сплошь и рядом руководствовались задачей изменить человека и его мышление путем трансляции знаний. Для Лейбница образование народа играло центральную роль в процессе цивилизации, и его советы Петру концентрировались именно на этой проблеме. Екатерина II, учредив сиротские приюты, распорядилась о проведении время от времени конкретных экспериментов по воспитанию «необразованных» детей с тем, чтобы сделать из них «новых», лучших людей. Эта идея, как минимум подспудно, была положена в основу сталинской «диктатуры воспитания», подобно тому как, например, искусный садовник исходит в своих замыслах из уверенности в том, что возможно

---

³⁰ Смайльс 1867.

³¹ Herzberg 2013; Рубакин 1903.

³² Griesse 2016.

планомерное устройство сада, которое включает в себя и уничтожение сорняков³³. Советский Союз также делал ставку на детей, которые в перспективе представляли будущее и из которых его руководители хотели сформировать «новых людей». Амбивалентность идей о воспитании со всей полнотой раскрылась в насильственных действиях Сталина. Стремительное осуществление в СССР программы всеобщего начального образования в 1930-х гг. не случайно совпало с террором, который помимо прочего был направлен и на то, чтобы ликвидировать «неподдающихся перевоспитанию». Новая стратегия воспитания должна была в исходном замысле исправить недостатки европейской системы образования в том виде, как она сформировалась к началу XX в., и одновременно искоренить «ложное образование». Целесообразность «диктатуры воспитания», вероятно, была понятней русскому сознанию, чем другим европейским культурам, однако его истоки следует искать в идеях раннего Просвещения. Готовность Петра к тому, чтобы насильственно претворять в жизнь представления и цели, признанные им верными, ничуть не повлияла на позитивный образ русского царя, созданный ранними просветителями, часть которых рассматривали насилие в отношении отсталого населения как неизбежную жертву в процессе цивилизации. Насилие в отношении врагов реформ якобы во имя благого дела – цивилизации общества – вновь и вновь применялось на практике и в последующее время. Сталин в этом смысле действовал особенно жестоко, полностью пренебрегая правами человека.

Уверенность в безграничной возможности осуществить запланированные преобразования также во все эпохи была неизменным элементом русских представлений о модернизации. В СССР эта уверенность нашла отражение в огромном сталинском проекте «преобразования природы». Непосредственно после победоносного окончания «борьбы против фашизма» Сталин, уверенный в победе, поставил на повестку дня «борьбу против природы»³⁴. Еще Александр Богданов перед Первой мировой войной в своем популярном романе «Красная звезда» описал преобразование природы путем поворота рек, осуществленного усилиями человека, для достижения более высокой ступени культурного развития³⁵. Чаянов в своей крестьянской утопии надеялся, что человек может подчинить природу с помощью силовых установок, работающих на магнитных полях³⁶. Вера в устойчивый прогресс была составной частью «социалистической модернизации». От быстрого развития технологий исходило определенное обаяние. Политики и «планировщики» с одобрением рассматривали проекты освоения географического пространства и социальных преобразований.

---

³³ Bauman 1992, 2005.

³⁴ Gestwa 2001.

³⁵ Богданов 1908.

³⁶ Чаянов 2003.

Национальности

Власть в России не могла начать продвигаемый в XIX в. в рамках модернизации проект создания национального государства не только потому, что он создавал угрозу для монолитности многонациональной страны. В большинстве случаев стоящая за этничностью личная идентичность сталкивалась с культурной ориентацией на ценности сообщества. В России вплоть до первой половины XIX в. проводилась толерантная национальная политика, которая кооптировала региональные элиты и не была направлена ни на религиозную, ни на этническую гомогенность. Лишь в последней трети XIX в. произошел поворот к государственной унификации, связанный с политикой русификации. Отныне различные этносы следовало интегрировать в политическую систему на основе идеи имперского патриотизма и «царского мифа», актуализировавшего важность личности монарха. «Социалистическая модернизация» разработала концепцию национальной политики и осуществляла ее на практике в 1920-х гг., проводя *коренизацию*, которая значительно отличалась от западного опыта. Национализм был определен народным комиссаром по делам национальностей Сталиным как буржуазное явление, преодолеть которое сможет социализм. После отделения прибалтов и поляков, осознававших себя как особые нации, в Советской России только грузины и украинцы были этносами, у которых сформировались образованные элиты, не лишённые сепаратистских настроений. В силу этого, как и в случае с эмансипацией женщин, «социалистическая модернизация» сделала ставку на эмансипацию более чем 100 этносов. Избранная руководством страны политика *аффирмативного действия* в первую очередь должна была создать условия для догоняющего развития этносов, не имевших собственной письменности и элит. Одновременно режим боролся против «великорусского шовинизма». В 1920-х гг. власти предписали создать для почти 70-ти этносов письменность на основе латинского алфавита и вести обучение в школе на родном языке. На территориях традиционного проживания народов их язык должен был стать языком дело- и судопроизводства. Для многих этносов такая государственная поддержка способствовала решительному прорыву в развитии и оказала влияние на их позитивную идентификацию с Советским государством. Сталин надеялся, что после устранения социальной дифференциации все этносы во второй фазе общественного развития станут единым рабочим классом. Путем продвижения концепции интернационализма советское государство должно было объединить все народы как государство трудящихся³⁷. Политика *коренизации* была вполне успешной. Она, однако, способствовала формированию национального самосознания отдельных народов и, одновременно с этим, проявлению этнических различий и противоречий. Принудительная коллективизации

---

³⁷ Martin 2001.

крестьян при Сталине в середине 1930-х гг. уступила место политике, которая выдвигала на первый план сплочение советского народа. Сталин в середине 1930-х гг., восприняв как образец национал-социалистскую «народную общность», заговорил о «единстве советского народа», которое предполагало равноправие всех этносов³⁸. При этом представители отдельных этносов не исключались из реализуемого в то время социалистического проекта воспитания и цивилизации³⁹.

Социальная инженерия

Модернизация в России была принципиально ориентирована на главные постулаты Просвещения: веру в прогресс, доверие к разуму, преклонение перед ученостью, а также пренебрежительное отношение к религии и традициям. При рассмотрении разных вариантов преобразования общества на рациональной основе и методов государственного интервенционизма социализм предстает как один из многих идеологических продуктов европейской модернизации⁴⁰. На протяжении десятилетий перед Первой мировой войной Россия расширяла бюрократический аппарат, усиливая государственный контроль⁴¹, и предпринимала попытки рационализировать общество и реорганизовать его в соответствии с научными представлениями. Значительный рост интереса к социальным вопросам в конце XIX в. был реакцией на индустриализацию и начинающуюся урбанизацию. Городское самоуправление в России столкнулось с такими же вопросами и проблемами, как и коммунальные власти на Западе: жилье, гигиена, профилактика заболеваний, несчастные случаи на производстве, алкоголизм, нищета, социальные беспорядки и безработица. В поисках решения проблем ставка делалась – в ходе тесного взаимодействия с западными коллегами – на профессионализм и знания экспертов, например, в таких областях как городское планирование, социальные реформы и здравоохранение⁴². Социальная жизнь была отделена от местных традиций и заново реорганизована на основе рациональных структур. Когда Н. Луманн и затем Э. Гидденс описывают новые институты как тесно связанные с механизмом доверия к абстрактным системам, прежде всего к системе экспертов, то это, за редкими исключениями, равным образом характерно и для России и Советского Союза, если учесть, сколь охотно местное население напрямую взаимодействовало при решении проблем с конкретными управленцами⁴³. После 1917 г. были устранены традиционные моральные ограничения, так что отныне режим мог преобразовывать общество масштабнее и глубже, опираясь на умозрительные представления об идеальном социальном

---

³⁸ Merl 2012; Martin 2001.

³⁹ Hoffmann 2000.

⁴⁰ Ibid. 2000. S. 256.

⁴¹ Raphael 2000.

⁴² Hoffmann 2000; 2011.

⁴³ Merl 2012.

устройстве. Не выдерживает критики выдвинутое русскими и, как правило, некритично воспринятое западными исследователями отрицание функциональной дифференциации в Советском Союзе. Под прикрытием идеи всеведения вождя и партии эксперты играли значимую роль, и их деятельность опиралась на функциональную дифференциацию, без чего ни одно переживающее модернизацию государство не смогло бы добиться стабильности. Язык экспертов, используемый ими понятийный аппарат, однако, был выведен из контролируемого партией общественного дискурса и оставался понятен только для специалистов⁴⁴.

В XX в. интервенционистские государства, в т.ч. и Советский Союз, проводили политику кардинальной трансформации общества (*social engineering, population management*)⁴⁵. Поскольку вмешательство властей основывалось на представлении, что государство должно опекать отдельного человека, с тем чтобы уберечь его от всяческих бед путем осуществления отсутствовавших ранее мер социальной защиты – заботы о стариках, детях, профилактики болезней и гарантии в случае потери работоспособности, то в интервенционистском государстве можно увидеть сходство «европейской модернизации» с «социалистической модернизацией». В этом отношении сегодня особенно очевидны отличия американских представлений о модернизации от европейских, хотя в середине 1930-х гг. «новый курс» Рузвельта базировался на сходных идеях, но позже выдвинутая им программа мероприятий была остановлена американским судопроизводством. В конце Второй мировой войны общеевропейская парадигма модернизации определялась уверенностью в том, что первоочередной задачей интервенционистского государства должно стать преодоление социальных бед. Концепт «государства благосостояния» У. Бевериджа, «концертированная акция» К. Шиллера и коммунистическая модель «удовлетворения потребностей» Н. Хрущева⁴⁶ сошлись в этой убежденности. Готовность населения к государственной опеке опиралась на Западе на осмысление исторического опыта, а именно на представление о том, что беды межвоенного периода, включая мировой экономический кризис и политическую радикализацию общества, проистекают из социальных бедствий, которые могут быть преодолены модернизацией, создающей благосостояние государства. При этом недопущение бедственного положения отдельного человека стало гарантией сохранения демократии. Проект модернизации, основанный на вере в то, что современное общество способно «преодолеть нищету», в некоторых конкретных проявлениях можно обнаружить и в России, и на Западе. Однако в 1970-х гг. «оба мира» потерпели неудачу, во многом в силу того, что связанные с модернизацией расходы оказались неподъемными.

---

⁴⁴ Merl 2012.

⁴⁵ Hoffmann 2000; 2011.

⁴⁶ Merl 2010.

Интервенционистское государство благосостояния в обоих регионах установило социальный контроль над новым знанием, новыми целями правительства и новыми технологиями. При этом «социалистическая модернизация» преобразовала здравоохранение, вероятно, эффективнее, чем другие европейские страны, сфокусировавшись преимущественно на общественных, а не индивидуальных интересах.

Представления о модернизации в России и Советском Союзе и ее оценки, в отличие от Запада, отличались большим разнообразием. Общая парадигма, однако, определялась общими порожденными европейской культурой моделями преобразования общества. «Социалистическая модернизация» имела те же фундаментальные основания, что и западная модернизация, которой, тем не менее, она резко противопоставляла отличающиеся от нее модели: научное управление экономикой вместо анархии рынка, распределение по потребностям вместо компенсации затраченного труда. При систематическом сравнительном изучении европейского опыта можно выявить многочисленные различия в представлениях о модернизации России, но и в североамериканских представлениях о модернизации. В рамках данной статьи невозможно выйти за пределы анализа действий интервенционистского государства в процессе модернизации. Однако именно гипотеза о возможности противостоящих моделей модернизации позволяет воспринимать Россию и СССР как составную часть европейской модернизации. В настоящее время у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что развитие России определялось системой общеевропейских ценностей и идей.

Перевод с немецкого Н.Ф. Сокольской

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л. Лениздат, 1989.
- Богданов А. Красная звезда. Петербург: Товарищество художников печати, 1908.
- Власть и реформы. От самодержавной к советской России / Отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб., 1996.
- Герцен А.И. Русский народ и социализм. Лондон, 1858.
- Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX в. / Б. Пиетров-Эннкер, Г. Ульянова. М., 2007.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1- 2. СПб. 1999.
- Рубакин Н.А. Крестьяне-самоучки. СПб. 5-е изд. 1903.
- Смайльс С. Самопомощь. Харьков. 1867.
- Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX в. М. 2008.
- Хильдермайер М. Российский «долгий XIX век»: «особый путь» европейской модернизации? // *Ab imperio*. 2002. № 1. С. 85-101.
- Чаянов А.В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Александр Васильевич Чаянов. Не публиковавшиеся и малоизвестные работы. М., Дашков и К., 2003. С. 245-311.
- Чернов В.М. Война и «третья сила». Сборник статей. Петроград. 1917.
- Anisimov E.V. Vremya petrovskikh reform. L. Lenizdat, 1989.
- Bogdanov A. Krasnaya zvezda. Peterburg: Tovarishchestvo khudozhnikov pechati, 1908.

- Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoi k sovet'skoi Rossii / Otv. red. B.V. Anan'ich. SPb., 1996.
- Gertsen A.I. Russkii narod i sotsializm. London, 1858.
- Grazhdanskaya identichnost' i sfera grazhdanskoi deyatel'nosti v Rossiiskoi impe-rii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka / B. Pietrov-Ennker, G. Ul'yanova. M., 2007.
- Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravo-vogo gosudarstva. T. 1- 2. SPb. 1999.
- Rubakin N.A. Krest'yane-samouchki. SPb. 5-e izd. 1903.
- Smail's S. Samopomoshch'. Khar'kov. 1867.
- Tumanova A.S. Obshchestvennye organizatsii i russkaya publika v nachale XX v. M. 2008.
- Khil'dermaier M. Rossiiskii «dolgiy XIX vek»: «osobyi put'» evropeiskoi mo-dernizatsii? // Ab imperio. 2002. № 1.S. 85-101.
- Chayanov A.V. Puteshestvie moego brata Alekseya v stranu krest'yanskoi utopii // Aleksandr Vasil'evich Chayanov. Ne publikovavshiesya i maloizvestnye raboty. M., Dashkov i K., 2003. S. 245-311.
- Chernov V.M. Voina i «tret'ya sila». Sbornik statei. Petrograd. 1917.
- Amburger E. Beiträge zur Geschichte der deutsch-russischen kulturellen Beziehungen. Gießen. 1961.
- Bauman Z. Verworfenes Leben. Die Ausgegrenzten der Moderne. Hamburg. 2005.
- Bauman Z. Moderne und Ambivalenz. Das Ende der Eindeutigkeit. Hamburg. 1992.
- Blohme A., Depkat V. Von der „Civilisierung“ Rußlands und dem „Aufblühen“ Nordamerikas im 18. Jahrhundert. Leit motive der Aufklärung am Beispiel deutscher Russland- und Amerikabilder. Bremen. 2002.
- Bruisch K. Als das Dorf noch Zukunft war. Agrarismus und Expertise zwischen Zarenreich und Sowjetunion. Köln. 2014.
- David-Fox M. Multiple Modernities vs Neo-Traditionalism: On Recent Debates in Russian and Soviet History // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 54. 2006. P. 535-555.
- Gerasimov I. Russians into Peasants? The Politics of Self-Organization and Paradoxes of the Public Modernization Campaign in the Countryside in Late Imperial Russia // Journal of Modern European History. 2004. Nr. 2, P. 232-253.
- Gestwa K. Die “Stalinschen Großbauten des Kommunismus”. Sowjetische Technik- und Umweltgeschichte 1948-1964. München. 2001.
- Geyer D. Rußland an der Jahrhundertwende. Zeitdiagnosen und Zukunftsprojektionen aus östlicher Perspektive // Das Neue Jahrhundert. Europäische Zeitdiagnosen und Zukunftsentwürfe um 1900 / Ed. Frevert U. Göttingen. 2000. S. 244-264.
- Grisse M. Von der Barbarei zur Rückständigkeit: Revolten in Russland als Projektionsflächen eines „aufgeklärten Absolutismus“ // Die Zukunft der Rückständigkeit. Festschrift für Manfred Hildermeier / Eds. Feest D., Häfner L. Köln. 2016.
- Haumann H. Geschichte Russlands. München. 1996.
- Herzberg J. Gegenarchive. Bäuerliche Autobiographik zwischen Zarenreich und Sowjetunion. Bielefeld. 2013.
- Hildermeier M. Geschichte Russlands vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution. München. 2013.
- Hoffmann D.L. European Modernity and Soviet Socialism // Russian Modernity. Politics, Knowledge, Practices / Eds. Hoffmann D.L., Kotsolis Y. New York. 2000. P. 245-260.
- Hoffmann D. Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914-1939. Ithaca. 2011.
- Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley 1995.
- Lubenow M. Französische Kultur in Russland: Entwicklungslinien in Geschichte und Kultur. Köln. 2002.
- Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations und Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca. 2001.
- Matthes E. Das veränderte Rußland. Studien zum deutschen Rußlandverständnis im 18. Jahrhundert zwischen 1725 und 1762. Frankfurt a.M. 1981.

- Merl S. Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich. Göttingen. 2012.
- Merl S. Von Chruschtschows Konsumkonzeption zur Politik des „Little Deal“ unter Brezhnev // Ökonomie im Kalten Krieg / Eds. Greiner B., Müller C.Th., Weber C. Hamburg. 2010, S. 279-310.
- Poe M.T. “A People Born to Slavery”. Russia in Early Modern European Ethnography, 1476-1784. Ithaca, London. 2000.
- Plaggenborg S. Experiment Moderne. Der sowjetische Weg. Frankfurt a.M., N.Y., 2006.
- Raphael L. Recht und Ordnung. Herrschaft durch Verwaltung im 19. Jahrhundert. Frankfurt a.M. 2000.
- Reformen im Rußland des 19. und 20. Jahrhunderts. Westliche Modelle und russische Erfahrungen / Hg. Beyrau D. u.a. Frankfurt a.M. 1996.
- Scharf C. Tradition – Usurpation – Legitimation. Das herrscherliche Selbstverständnis Katharinas II. // Russland zur Zeit Katharina II. / Eds. Hübner E., Kusber J., Nitsche P. Köln u.a. 1998. S. 41-101.
- Schmidt C. Aufstieg und Fall der Fortschrittsidee in Russland // Historische Zeitschrift 263. 1996. S. 1-30.
- Semyonov (Semenov) A., Mogilner M., Gerasimov I. Russian Sociology in Imperial Context // Sociology and Empire. The Imperial Entanglement of a Discipline / Hg. Steinmetz G. Durham, NC. 2013. P. 53-82.

Штефан Мерль, профессор, Билефельдский университет, ФРГ; smerl@uni-bielefeld.de

Is there a “transatlantic modernization”? Thoughts on the role of Russia in the concept of “modernization”

Contemporary discussions often mention a “transatlantic model of values”, and there is an impression that Russia has nothing to do with it: Russia’s way to “modernity” and the concept of modernization born there seemingly differs greatly from the former. The author of the article argues against this opinion and shows that Russia played an important role in shaping of the ideas of modernization in 18th century Europe. By the early 20th c. Russia was heavily involved into debates over modernization, and the ideas of “socialist modernization” were closely linked to European views different from American paradigm. The article is focused on the early 18th c. when hopes of the thinkers of the early Enlightenment about the perfection of the world and its people based on reason were revived because of the westernizing policy of Peter I. Then the author discusses the 2nd half of the 19th c., when Russian society debated the ideas of progress and formed its own views of modernization rooted in the concept of the its own backwardness. The final section of the article discusses those Russian views of modernization that later determined a number of characteristics of Soviet history. The author rejects the concept of “multiple modernizations” because he finds main characteristics of modernization in each if its versions. Thus, Russian-Soviet views are part of the European concept of modernization

Keywords: models of modernization, progress, Enlightenment, history of Russia, ideas and values, westernization, “social engineering”

Stephan Merl, Professor, University of Bielefeld, Germany; smerl@uni-bielefeld.de